

Михал Глушковски

Институт славянской филологии Университета Николая Коперника
Торунь, Польша

Язык или языки религии? Сосуществование двух кодов в религиозной жизни Вершины – польской деревни в Сибири

Жители Малой Польши, поселившиеся в 130 км севернее Иркутска в начале XX века, составляют двуязычную общину. Взаимоотношения польского говора и русского языка менялись за 100 лет существования общины. В настоящее время русский язык употребляется все шире, но в религиозной сфере преобладает польский. В статье рассматривается вопрос роли обоих языков, как религиозных языков общины.

Ключевые слова: язык религии, диглоссия, польский говор, русский язык, меньшинство, Сибирь, ассимиляция, идентичность, ревитализация

Деревня Вершина (около 400 чел. населения), расположенная в 130 км севернее Иркутска, была основана польскими добровольными поселенцами в 1920 г. Поляки, переселяющиеся в Сибирь, получали налоговые льготы. Им выделяли около 16 га земли и бесплатный материал для строительства домов, а также оплачивали 75% стоимости проезда на железной дороге. Деревня Вершина существует до сих пор и в значимой мере сохраняет свой польский характер. Жители деревни (сами себя называют вершининцами) помнят о своих корнях. От живущих в соседних деревнях бурятов, русских и потомков украинских поселенцев они отличаются этнической идентичностью, языком и вероисповедованием. Поскольку за 100 лет существования общины ее социально-экономическая и политическая ситуация несколько раз менялась, вопрос культуры и традиции вершининцев более сложен.

С 1910 г., т.е. даты приезда польских поселенцев в Сибирь, начался первый период жизни общины. Вершининцы были вынуждены построить свои дома и хозяйственные постройки с нуля. Через некоторое время жители деревни привыкли к новым условиям, в 1912 г. им разрешили построить костел (Szostak 2002: 226-227). Благодаря специфике сибирской глухомани, польские поселенцы не сразу почувствовали последствия Октябрьской революции. Их жизни непосредственно коснулась лишь коллективизация тридцатых годов; в 1932 г. в Вершине насильно организовали артель (Петшик 2008: 14-15). Для людей, покинувших родину в поисках лучшей жизни, вынужденная сделка приобретенной с трудом земли, становилась трагедией. В 1937 г. сотрудники НКВД арестовали, обвинили в приготовлении антисоциалистического восстания и расстреляли 30 жителей Вершины (Там же 37-45, Szostak 2002: 227-233). Массовые репрессии, а также факт закрытия местного костела (1939), окончательно завершили первый период жизни польской общины в Сибири.

Деревню Вершина 1910-1939 гг. можно описать как языковой и в значимой мере также культурный остров. Этот факт не препятствовал развитию их двуязы-

чия. Некоторые из поселенцев еще до переезда в Сибирь могли ходить в русскую школу, а практически всем надо было после приезда общаться с царской администрацией и бурятами. Поэтому можно предположить, что знание русского языка практически с самого начала существования общины было всеобщим. Несмотря на общее знание русского языка, первичным языком жителей деревни оставался польский. По В. Петшику, коренному вершининцу и автору своеобразной хроники польской деревни в Сибири, в довоенной Вершине хозяева за работой пели заповенные с детства польские припевки, употребляли в поле орудия, построенные по польскому стилю, молились по-польски в римско-католическом костеле и соблюдали польские праздники (Петшик 2008: 12; 31-32, и др.). Несмотря на культурный обмен с проживающими рядом бурятами, количество и значимость сохраняемых элементов польской культуры, позволяют назвать Вершину польским языково-культурным анклавом среди других национальностей Сибири.

Ситуация изменилась на переломе 30-х и 40-х гг. XX в. Второй период в жизни польской общины относится к годам 1939-91, а его конечную дату определяет год распада СССР и повторного открытия костела. В коммунистический период Вершина стала похожа на другие сибирские деревни. В 40-е гг. Вершина потеряла свой гомогенный этнический характер, так как в деревню переселили русских – жителей хутора Одигон (Там же: 19). Во время Великой Отечественной войны вершининцы служили в Красной Армии и работали в тылу, а после войны – работали в местном колхозе. За полвека без костела и ксендза роль вероисповедания как фактора, поддерживающего польскую национальную идентичность, ослабилась. По наблюдениям с июля и августа 2008 г., когда состоялась научная экспедиция научных работников и студентов Университета Николая Коперника¹, можно утвердить, что большинство жителей Вершины практически забыли все молитвы на польском языке и значение католических праздников, а также, в многих случаях, утратили потребность в религии.

Последний период, начиная с 1991 года по сегодняшний день, можно определить как время возрождения польского характера деревни, но в действительном направлении этого процесса можно сомневаться. Власти разрешили в 1991 повторно открыть костел, а также возобновить обучение польскому языку в начальной школе в Вершине и в средней школе в соседнем Дундае. В деревню всё чаще приезжают польские экскурсии, появилась возможность приобретения стипендий и обучения в польских вузах, функционирует Польский дом (клуб и библиотека), а также фольклорный ансамбль «Яжумбек» (Figura 2003: 112-125). Однако, в богослужениях регулярно принимает участие лишь небольшая часть жителей деревни (не более 20 человек). Среди молодых людей, несмотря на школьное обучение польскому языку, на коммуникативном уровне языком предков владеют только те, кто говорит по-польски дома, в повседневных разговорах с членами семьи и соседями. Из-за атеизации польской общины в коммунистическое время постепенно терял свою роль конфессиональный фактор, ограничивающий внешние, межгрупповые браки. За это время появилось много смешанных польско-русских семей. Деятельность активных групп, сплочённых вокруг прихода и Польского дома, не охватывает всех жителей деревни.

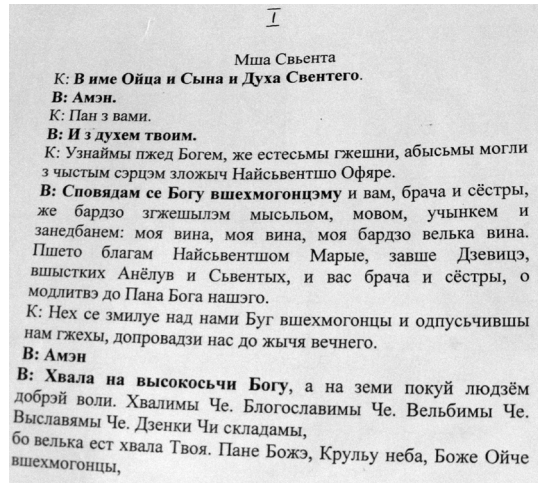
¹ Целью экспедиции было изучить языковую ситуацию польской двуязычной общины и сопоставить актуальные наблюдения с другими исследованиями, проведенными 20 лет тому назад и раньше.

Польский язык в Вершине отличается как от современного, так и от нынешнего литературного варианта. Это смесь говоров принадлежащих к малопольской диалектной зоне. По наблюдениям Ю. Гольцекера и Н. Ананьевой в языке вершининцев до сих пор модно заметить некоторые фонетические черты, типичные говорам Малой Польши, например удлинение долгих гласных (*u < ō k'uiŋa < k'onā; rub'ota < rob'ota; o < ā n'ojlepšy < najl'epšy*) (Ananiewa 2007: 30; Гольцекер 1989: 210; Głuszkowski 2011a). Говору вершининцев свойственна затрата носовых гласных, напр. *un < q śedymż'eśunt, vygl'undo* (Głuszkowski 2011a). Следует отметить, что в отличие от польского языка многих общин Украины, Литвы, или Беларуси, орфофоническая окраска речи вершининцев оказывается близкой польскому литературному языку (ср. Гольцекер 1991: 138). В польской речи жителей Вершины можно найти много заимствованных русских лексем в разных стадиях адаптации, напр. *śelsov'et, rug'ala śe", pšedl'ożyc*, а также некоторые гибридные формы: *učyc'elka = учительница + nauczycielka, m'ensor'upka = mięso + мясорубка* (ср. Там же: 141; Głuszkowski 2011a). Д. Пасько, в свою очередь, отмечает ряд словообразовательных калек в языке жителей вершины, напр. форма *'odżyc* возникла под влиянием русского языка и воспроизводит рус. *отжить* (Paśko 2009: 26-27).

Билингвизм вершининцев связан с диглоссией. Первый период после основания деревни характеризовался преобладанием польского говора во всех сферах, кроме официальной. Во второй половине XX в. роль русского языка постепенно увеличивалась, а из-за появления гетерогенных браков вершининцы стали говорить по-русски также в семейной и соседской сферах (Głuszkowski 2011b: 165-166). В настоящее время польский язык является основным лишь для части жителей деревни – в большинстве представителей старшего поколения, но и некоторых людей в среднем возрасте в гомогенных польских семьях (Там же: 166).

Отдельный вопрос составляет выбор языка в сфере религии. С одной стороны, во многих католических приходах на Востоке, не только в польских местностях, польский является литургическим языком (часто из-за происхождения или места образования ксендзов). В Вершине польский язык в сфере религии составляет один из важнейших факторов, способствующих сохранению идентичности потомков малопольских поселенцев. Вновь приобретенные права на свободу вероисповедования и употребления польского языка без угрозы преследований со стороны властей помогают развивать жизнь общины. С другой же стороны, многие молодые люди практически не говорят по-польски и понимают лишь основные обороты, что препятствует пониманию литургии. Чтобы все прихожане могли сознательно участвовать в службах, священникам надо в конце мессы представить содержание Евангелии и объяснить литургию по-русски. Таким образом в сфере религии в Вершине употребляются два языка. Ситуацию осложняет факт записи религиозных текстов. Лишь немногие жители Вершины читают и пишут по-польски – для большинства из них польский является исключительно устным языком, а польские слова записывают русским алфавитом – гражданкой. Таким способом записываются тексты песен местного вокального ансамбля «Яжумбек», а также тексты литургии и молитв в костельных сборниках. Из них происходит значимая часть анализируемого нами материала.

На фотокопии № 1 представлен текст службы (*Миша съвента*). Текст был транскрибирован на русский алфавит человеком с неплохой филологической подготовкой.

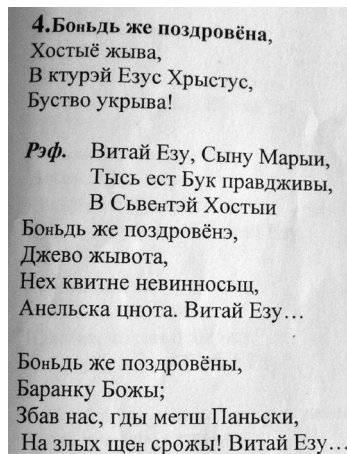

Фотокопия № 1

Текст службы в сборнике религиозных текстов в вершининском костеле

Благодаря отражению польских звуков с помощью соответствующих знаков даже верующие, незнающие польского языка, могут произносить слова мессы в форме лишь немного отличающейся от польской фонетической нормы. Правильному произношению способствует присутствие польского ксендза и монахини; записанный гражданкой текст исполняет только вспомогательную функцию, так как участники службы могут подражать произношению священника.

На фотокопии № 2 представлен текст песни, которая поется во время причастия. В транскрипции можно заметить интересный способ отражения польских носовых гласных *ą* и *ę*, которые записаны как *o_n* и *e_n*.

Фотокопия № 2 Текст песни «Бондь же поздровёна»
 в сборнике религиозных текстов в вершининском костеле

Трудно однозначно определить число верующих, которые читают слова молитв и песен сознательно, с пониманием их значения. По вступительным наблю-

дениям, можно предположить, что около половины присутствующих на службе не понимает читаемых текстов. Такую ситуацию, на основании исследований Дж. Фишмана и Э. Смукловой, можно определить как диглоссию без билингвизма (Smułkova 2000: 92-93). Те жители Вершины, которые не владеют польским языком, но употребляют его в литургии, не могут считаться билингвами. Однако, в их жизни функционируют два языка, а их сферы четко распределены. В случае двуязычных членов общины, понимающих слова литургии, можно говорить о диглоссии и билингвизме.

Сфера употребления русского языка, как религиозного, не ограничивается режюме, представляемыми священником после службы. Религиозная сфера в жизни деревни это не только литургия, молитвы, песни и разговоры на темы, связанные с религией, но также кладбище и тексты надгробных надписей. Лишь на немногих надгробиях можно увидеть надписи латинским алфавитом. На большинстве плит имена записаны с отчествами, кириллический алфавитом. Стаканы, тарелки и бутылки на могилах свидетельствуют о русском характере кладбища и погребальной обрядности жителей Вершины (Глушковски 2008).

Фотокопии № 3 и 4 составляют интересный пример сосуществования двух алфавитов и двух языков в символическом пространстве кладбища.

Фотокопия № 3

Надгробная надпись на кладбище в Вершине – кириллица.

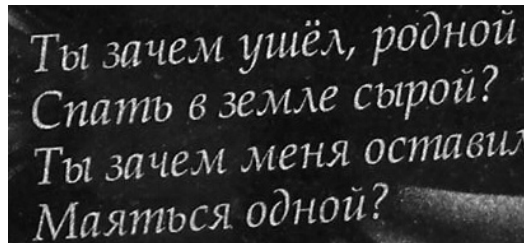
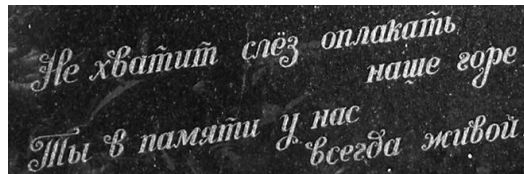
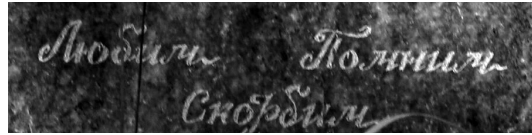
Фотокопия № 4

Надгробная надпись на кладбище в Вершине – латинский алфавит.

Szczepan Kania и *Степан Каня* это одна фамилия и два варианта одного имени – польский и русский. Вершининцы употребляют в основном польские имена, но всё чаще появляются также русские имена. В анализируемом нами примере причиной появления имени *Степан* вместо польск. *Szczepan* мог быть русский алфавит, с помощью которого каменщик записывал имя и «автоматически» выбрал русский эквивалент польского имени. Надписи, сделанные самими вершининца-

ми, на деревянных крестах, намного чаще выступают в польской форме – они написаны латинским алфавитом.

На фотокопиях № 5-8 можно заметить очередное интересное явление.

Фотокопии № 5-8

Надгробные надписи на кладбище в Вершине – на русском языке

Практически все поминальные тексты были записаны не только кириллическим алфавитом, но и на русском языке. Этот факт можно объяснить по-разному, но по всей вероятности, язык надписей связан с культурным источником обычая помещать поминальные тексты на надгробиях. После переселения в Сибирь поляки ставили на могилах только деревянные или металлические кресты с надписями на самом кресте или небольшой табличке. Каменные надгробия с местом для разнообразных эпитафий появились намного позже и не заимствовались из русской православной и светской культуры. Потомки польских поселенцев не знали, какие тексты помещаются на надгробных плитах в Польше, в католическом костеле и поэтому делали это единственным известным им способом – по-русски.

Фотокопия № 9 же, представляет двойную, польско-русскую поминальную надпись.

Фотокопия № 9

Надгробная надпись на кладбище в Вершине – на русском и польском языках.

Следует отметить, что тексты в обоих языках отличаются по значению – польская часть не является переводом русской, но ее восполнением – польск. *Jesteś w naszych sercach* – рус. *Ты в наших сердцах*. Данный пример можно классифицировать как единичное употребление польского языка в сфере поминальных надписей, так как на вершининском кладбище находятся лишь немногие могилы с польскими эпитафиями и они все относятся к последним годам, когда начались оживленные контакты с Польшей.

Вышеописанные примеры свидетельствуют о том, что в религиозной сфере польской общины в Сибири употребляются два языка. В узком понимании религиозного языка, т.е. как языка литургии, русский язык употребляется только для записи польских текстов – как средство транскрипции. Однако в сфере разговоров на религиозные темы, а даже в рамках службы, но вне литургических текстов, он употребляется практически на равных правах с польским языком. В символическом пространстве кладбища же, русский язык преобладает. Имена и фамилии записываются как по-русски, так и по-польски, но более 95% поминальных надписей было на русском языке.

Употребление двух кодов в сфере религии и их смешение в графической форме хорошо отражает актуальное состояние культуры вершининцев. В настоящее время, из-за многолетних русских, советских и бурятских влияний, трудно назвать культуру жителей Вершины польской. Трудности вызывает не только однозначное определение характера системы вершининских традиций, но тоже многих отдельных элементов культуры. Истекающее время, относительная культурной близость с русскими и украинцами, хорошие отношения с бурятами и отсутствие потребности изоляции, а также ослабление конфессионального фактора, привели к постепенной ассимиляции потомков польских поселенцев с другими национальностями Сибири (см. напр. Глушковски 2008). Роль национального фактора практически не существовала – вершининцы переселялись в Сибирь, когда Польши на карте мира не было; это были крестьяне, которые мигрировали «за хлебом» в границах одного государства – Российской Империи. Поэтому они подвергались ассимиляции с многонациональным окружением намного быстрее, чем ссыльные поляки – в большинстве дворянство и интеллигенция. За 100 лет существования деревни, культура вершининцев превратилась в гибрид, содержащий элементы разных культур, а также смешанные, гибридные элементы. Примером могут служить венчальные традиции, среди которых найдем выкуп невесты (и польский, и русский), русскую игру на гармошке, советскую совместную дорогу в ЗАГС, бурят-

ское брызгание на перекрестках и в святых местах (Głuszkowski 2010: 89-92). Некоторые традиции забылись, другие модифицировались, напр. польские именины сохранились лишь частично, для самых популярных имен, но виновнику торжества (также в случае дня рождения) поют не польское «Сто лет» (*Sto lat*), а «Я играю на гармошке», песню Крокодила Гены из популярного в СССР мультфильма «Чебурашка» (Figura 2003: 100).

Если в первой половине XX века Вершину можно было определить как относительно изолированный языково-культурный остров, то в настоящее время этот остров превратился в польско-русскую деревню. Ее жители все чаще общаются с польскими экскурсиями, летом массово посещающими «польский анклав в Сибири» и сотрудничают с организациями, помогающими полякам на Востоке. Местная польская организация пытается возродить польскую идентичность и традиции в опоре о культурную деятельность ансамбля «Яжумбек» и католический приход. Поэтому можно предположить, что даже если уровень знания польского языка в младшем поколении не изменится и останется низким, польский будет употребляться в функции литургического языка из-за своего символического значения. Однако, надо учесть, что всякие прогнозы в ситуации небольших языковых и культурных меньшинств связаны с большим риском из-за множества социальных факторов влияющих на их ситуацию.

The religious language or languages? The cohabitation of two codes in the domain of religion in Verzhina, a Polish village in Siberia.

Summary

People coming from Little Poland had settled in Verzhina, a village located 130 km northwards from Irkutsk, at the beginning of the 20th century. During one-hundred-year history of Verzhina, the role of the Polish dialect and Russian language was changing, according to the political, economic, linguistic and cultural situation of the community. The author will focus on the relationships between both codes in the domain of religion. There are different factors influencing the language and cultural situation of the group in question. According to the observations and results of the researches made so far, the use of two languages in the domain of religion may be considered as a kind of cultural hybrid. It is difficult to predict the future of both religious languages in Verzhina, but the present state shall survive for at least several years.

Библиография

- Ananiewa 2007: **Ananiewa, Natalia**. O polskich gwarach Syberii: projekt badawczy, в: Acta Baltico-Slavica 31/2007, с. 25-32.
- Figura 2003: **Figura, Ludmiła**. Historia i terażniejszość polskiej syberyjskiej wsi, в: Wierszyna z bliska i z oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii, Nowicka Ewa, Głowacka-Grajper Małgorzata (ред.), Kraków: Nomos, с. 71-132.
- Szostak 2002: **Szostak, Jan**. Epitafium pomordowanym przez NKWD mieszkańcom polskiej wsi Wierszyna we Wschodniej Syberii koło Irkucka w 1938 r., в: Rocznik Historyczny Muzeum Polskiego Ruchu Ludowego, 18/2002, с. 221-236.
- Paśko 2009: **Paśko, Dorota**, O kalkach słowotwórczych w polszczyźnie mieszkańców Wierszyny na Syberii, в: Slavia Meridionalis 9/2009, с. 21-28.
- Głuszkowski 2010: **Głuszkowski, Michał**. Wierszyna, polska wieś na Syberii. Hybrydyzacja kultury a hybrydyzacja języka, в: Nowe Języki. Studia z zakresu kreolizacji języków i kultur, W. Kuligowski (ред.), Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, с. 85-94.

- Głuszkowski 2011a: **Głuszkowski, Michał**. Zmiany sytuacji językowej w Wierszynie koło Irkucka w warunkach dwujęzyczności polsko-rosyjskiej, *Acta Baltico-Slavica* 35/2011 (в печати).
- Głuszkowski 2011b: **Głuszkowski, Michał**. Vershina – a Polish village in Siberia. Factors influencing language maintenance, в: *ESUKA – JEFUL* 2011, 2 – 1, с. 157-170.
- Smułkowa 2000: **Smułkowa, Elżbieta**. Dwujęzyczność po białorusku: bilingwizm, dyglosja, czy coś innego?, в: *Язык а тоżсамо́сць на погранічз култур*. Smułkowa Elżbieta, Engelking Anna (ред.). Białystok: UwB, с. 90-100.
- Глушковски 2008: **Глушковски, Михал**. Изменения ситуации культурного и языкового острова – польская деревня в Сибири: Вершина на переломе XX-XXI веков, в: *Крымско-польский сборник научных работ*, под ред. А.К. Гадомского, Симферополь (в печати).
- Гольцекер 1989: **Гольцекер, Юрий П.** Из наблюдений над особенностями польского говора села Вершина в Сибири, в: *Interferencje językowe na różnych obszarach Słowiańszczyzny*, Warchoł Stefan (ред.), Lublin: UMCS, с. 133-147.
- Гольцекер 1991: **Гольцекер, Юрий П.** Тексты из села Вершина (Иркутская область), в: *Studia nad polszczyzną kresową*, t. VI, Rieger Janusz, Werenicz Wiaczesław (ред.), Wrocław, с. 209-212.
- Петшик 2008: **Петшик, Валенты**. Маленькая Польша в таежной Сибири – Норильск: Алекс.

Михал Глушковски, к.ф.н., адъюнкт, Институт славянской филологии Университета Николая Коперника в Торуні, ul. Fosa Staromiejska 3, 87-100 Toruń, Польша. Важнейшие публикации: 1) *Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego*, Toruń: UMK 2011; 2) *Staroobrzędowcy za granicą*, Toruń: UMK 2010 (ред. вместе с С. Гжибовски); 3) *Функционирование старообрядческого говора в Польше на примере одного идиолекта*. *Die Welt der Slaven LV* (2010), с. 312-333.; 4) *Vershina – a Polish village in Siberia. Factors influencing language maintenance under changing social, cultural, economic and political conditions*. *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics ESUKA – JEFUL* 2-1 (2011), с. 157-170.; 5) *Zachowane cechy dialektalne oraz wpływy polskie w rosyjskiej gwarze przedstawiciela starszego pokolenia staroobrzędowców regionu augustowskiego*, *Acta Baltico-Slavica* 34(2010), с. 157-168.; 6) *Социолінгвістическая ситуація старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур* (в соавторстве с С. Гжибовски), в: *Русские старообрядцы. Язык. Литература. История*, под ред. Л.Л. Касаткина, Москва: *Славянские языки, ИРЯ РАН* (2008), с. 200-215.